

2. Истоки II: Джордж В. Хейдьюк

Джордж Вашингтон Хейдьюк, Вьетнам, Особые войска, имел веские основания для недовольства. После двух лет, которые он провел в джунглях, принимая роды у монтаньярок и увертываясь от вертолетов (а то ведь эти парни палили сверху из своих беспорядочных дум-думов со скоростью тридцать выстрелов в секунду во все, что двигалось: кур, водяных буйволов, фермеров на рисовых чеках, газетных репортеров, заблудившихся американцев, врачей Зеленых беретов — словом, во все, что дышало), и еще одного года — пленным Вьетконга, он вернулся на Американский Юго-Запад, который он никогда не забывал. Вернувшись, он обнаружил, что это уже совсем не тот край, который он помнил, вовсе не та ясная, классическая пустыня под прозрачными, чистыми небесами, по которой он бродил в своих снах. Все изменилось под воздействием кого-то или чего-то.

Его родной город Таксон, из которого он уходил и куда теперь вернулся, был окружен теперь кольцом баз межконтинентальных ракет Титан. Открытая пустыня была донага ободрана, поскольку всю растительность, все живое полностью уничтожали гигантские бульдозеры, напоминавшие ему римские плуги, равнявшие с землей деревни Вьетнама. Эти техногенные пустоши наполнялись перекачиполем и жилой застройкой — неопрятными будущими трущобами, сооружавшимися из зеленых плит два на четыре, сухого фибролита и сборных крыш заводского изготовления, которые срывал первый же хороший порыв ветра. И все это — в родных пенатах свободных созданий: жабовидных ящериц, пустынных крыс, ядозубов и койотов. Даже небо, этот купол неистовой голубизны, который, как он когда-то думал, был недосыгаем, становилось свалкой газообразных отбросов медеплавильных печей — всей той дряни, которую Кеннекотт, Анаконда, Фелпс-Додж и Американская металлоплавильная и обогатительная компания перекачивали в общее небо через трубы своих заводов. Дух ядовитого, отравленного воздуха обволакивал его родную землю.

Хейдьюк чуял во всем этом что-то отвратительное, нездоровое, нечистое. Медленно поднимавшаяся горечь постепенно раздражала его нервы и сердце; медленно разгоравшаяся злость держала его в постоянном напряжении; шерсть на загривке, как у дикого зверя, начинала подниматься. Хейдьюк тлел. А он вовсе не был терпелив.

Проведя месяц с родителями, он помчался к своей девушке в Лагуна Бич. Нашел, победил и потерял ее. Он вернулся в пустыню, направляясь на северо-восток, к каньонам, к Аризона Стрип и нетронутым землям за нею. Там было одно местечко, которое ему нужно было увидеть, посидеть и поразмышлять над ним какое-то время прежде, чем он сможет понять, что же ему следует делать дальше.

Это был Лиз Ферри, река Колорадо, Гранд Каньон.

Хейдьюк грохотал по асфальту в своем подержанном джипе, одним глазом следя за дорогой, поскольку второй зудел и слезился от сенной лихорадки — у него была аллергия на перекаати-поле, этот экзотический фрукт из монгольских степей. Он купил этот голубой джип, выгоревший на солнце и иссеченный песчаными бурями, в Сан-Диего у каких-то дельцов, занимавшихся перепродажей автомобилей. Их звали Энди Честная Сделка и Джонни Большой Доллар. Первой вышла из строя бензонасос — это случилось у Броули; а в Юме, кое-как съехав с автострады на спущенной шине, он обнаружил, что Честная Сделка продал ему (правда, всего за 2795 долларов) джип без домкрата. Чепуховые проблемы — ему нравилась эта машина; ему доставляли удовольствие удобные дополнительные аксессуары — трубчатый каркас, вспомогательный бензиновый бак, оправа магнето, широкий протектор покрышки, втулки и лебедка от Ворна, последняя — со 150-футовым тросом, подставка для банки с пивом, привинченная к торпеде, свободная и естественная окраска.

В пустыне ему стало легче. Неясная злость понемногу отпускала. На обочине грунтовки, на которую он съехал с автострады, подальше от шумного движения, он устроил себе пикничок. Грунтовка эта вела на восток, к вулканическим обрывам гор Кофа, находившимся в десятке миль отсюда. Он сидел на теплом камне, нагретом жарким весенним солнцем, жуя свой сэндвич — сыр, ветчина и маринованный огурчик в луковой булочке, — запивая его пивом, и каждая его пора, каждый нерв раскрывались навстречу сладкому покою и тишине пустыни Аризона. Он огляделся вокруг и обнаружил, что все еще хорошо помнит названия почти всех этих низкорослых деревцов: мескитовое дерево (прекрасное топливо, если нужно обогреться и приготовить еду, бобы, которые сгодятся в пищу в трудные времена, тень — для выживания в пустыне); зеленокорое паломверде со стволом и ветвями, полностью лишенными листьев (весь хлорофилл находится в его коре); изящная, тоненькая скумпия, плывущая, как мираж, омываемый горячим песком пустыни.

Хейдьюк двинулся дальше. Горячий яростный ветер пустыни свистел мимо его открытого окна со скоростью 65 м/сек, трепал рукав его рубашки, целовал ухо, а он ехал все вперед и вперед, на северо-восток, в прекрасную страну, добрую страну, страну Бога, страну Хейдьюка, ей-богу. И пусть она такой и остается. Не то, видит Бог, будет худо.

Ему двадцать пять лет отроду. Он невысок, широк в кости, крепок и силен, этот парень, мускулистый и плотный, сложенный как борец. У него густая щетина на лице, крупный рот и здоровые зубы, широкие скулы и густая копна иссиня-черных волос. Что-то от индейцев шони было в его крови, что-то в его генетическом коде от каких-то далеких, быть может, предков. Его руки, большие и мощные, светлая кожа под черными волосами; долгое время он был в джунглях, а потом в госпитале.

Не выпуская из рук баранки, он выпил еще одну банку пива. Две с половиной упаковки по полдюжине банок до Лиз Ферри. Здесь, на открытых просторах Юго-запада, они с друзьями измеряли расстояния в этих упаковках по шесть банок пива, выпитых каждым из них. Лос-Анджелес — Феникс — четыре упаковки; Таксон — Флегстаф — три; Феникс — Нью-Йорк — тридцать пять упаковок. (Время относительно, давным-давно сказал Гераклит, а расстояние есть функция скорости. Конечной целью развития транспортных технологий является аннигиляция пространства, сжатие всего сущего в одной предельной точке. Отсюда

следует, что упаковки с пивом этому способствуют. Скорость — самый сильный наркотик, а алкоголь — горючее ракет. Всю эту теорию Хейдьюк сформулировал совершенно самостоятельно).

Он чувствовал и разделял веселое возбуждение солнца, ток алкоголя в крови, удовольствие от своего джипа, бежавшего ровно, спокойно, надежно, нацелившегося носом прямо на красные утесы страны каньонов, пурпурные столовые горы, розовые скалы и голубых птиц. Все датчики его сложной нервной системы показывали тревогу. Но так было всегда. И он был счастлив.

Где-то был особый лагерь Особого подразделения. Где-то был особый указатель, который висел вместе с флагами конфедерации между въездными воротами и особым лагерем. Он гласил:

Если ты убиваешь ради денег — ты наемник.

Если ты убиваешь ради удовольствия — ты садист.

Если ты убиваешь ради и того, и другого — ты Зеленый Берет.

Добро пожаловать!

«Добро пожаловать» в прекрасную страну. Горы Флегстафа маячили далеко впереди — высокие пики с шапками снега. Серо-голубой дым лесопилок плыл на фоне зеленоватого хвойного тумана Национального парка Коконино — огромного пояса вечнозеленых лесных угодий северной Аризоны. Свежее дыхание прохладного, чистого воздуха, тяжелый запах резины, запах дыма влетали к нему через открытое окно. Ни одно облачко не коснулось неба над горами; оно было глубоким, темно-синим, как безграничная страсть.

Хейдьюк улыбнулся, изгибая ноздри (изометрическая йога), открыл следующую банку пива. Он направлялся во Флегстаф: население — 26 тыс., 6900 футов над уровнем моря. Он вспомнил одного копа в этом городе, которого он всегда хотел найти и поквитаться. Несправедливый арест, ночь в камере с двадцатью вонючими навахо. Целых три года что-то гноилось в уголке его мозга, какой-то непроходящий зуд.

Какого черта, подумал он, почему не сейчас? Он свободен, никакого занятия получше у него нет. Почему бы и не сейчас, в конце концов? Он остановился, чтобы наполнить бак у бензозаправки самообслуживания, проверил масло, затем нашел в телефонной книге нужное ему имя и адрес. Ему нетрудно было запомнить это имя: именной знак на кителе, так же как и кокарда, как и флажки на лацканах, стояли перед мысленным взором Хейдьюка так явно, как будто это случилось прошлой ночью.

Он поужинал в темном кафе, затем поехал по указанному адресу, припарковался за полквартала до него и стал ждать. Вечер, краткие южные сумерки; зажглись фонари. Он ожидал ночи, поглядывая на фасад дома. Он произвел инвентаризацию оружия, имевшегося в его распоряжении, припрятанного нелегально здесь, в джипе: один индейский нож — Особый — заточенный до остроты бритвенного лезвия; один револьвер 357 калибра, без

одного патрона полностью заряженный; один небольшой стальной самострел ветеринарной службы, сделанный из сбитого американского вертолета — сувенир от Дака То (Хоа бинь!); один карабин-винчестер модели 94, классическое ружье для охоты на оленей, в кожаном чехле; один АК-47 (еще один сувенир) с двумя заряженными обоймами, связанными вместе; и, наконец, главная единица, основа его арсенала, важнейший предмет любого хорошо оснащенного боекомплекта — снайперская винтовка Ремингтон переменного калибра, достаточно точное, чтобы отстрелить мочку уха с пяти сотен ярдов (скоростное, плоская траектория, и т. п.). Плюс дополнительные боеприпасы, порох, капсулы, пули, гильзы. Как и многие американцы, Хейдьюк любил оружие, ощущение смазки, резкий запах жженого пороха, вкус бронзы, блеск медных сплавов, хорошего качества ножи, все мастерски изготовленные орудия смерти.

Хотя он все еще любил бурундуков, малиновок на заре и девушек, но, как и многие другие, он приобрел вкус к методическому, хорошо обдуманному, точно рассчитанному уничтожению. Сейчас он усиливался жаждой справедливости (статистически крайне редкой) и консервативным инстинктивным желанием, чтобы все было не так, как есть, а так, как должно быть (что случается еще реже); чтобы все было, как прежде.

(—Девушки? — говаривал сержант. — В темноте они все на одно лицо. Ломаного гроша за них не дам. Вот вы бы видели мою коллекцию пистолетов!» Этот сержант, — а, может, какой-нибудь еще, — неуклюже тяжелый в своем черном мешке, отправился домой в деревянной шинели подобно 55 тысячам других).

Сидя в ожидании в потемках, Хейдьюк рассмотрел несколько предложений. Во-первых, никакого убийства; наказание должно соответствовать преступлению. В данном случае преступлением была несправедливость. Полицейский, по имени Холл, арестовал его за пьянство в общественном месте, — и это был незаконный арест, поскольку Хейдьюк не был пьян. На самом деле он совершил следующее: в три часа утра, в квартале от своей гостиницы, он остановился и наблюдал, как Холл и его подручный без полицейской формы допрашивали проходившего мимо индейца. Холл, не привыкший к тому, чтобы за ним следил какой-то неизвестный штатский, направился к нему через улицу, раздраженный, злой, нервный, требуя немедленно предъявить удостоверение личности. Его поведение взвинтило Хейдьюка мгновенно.

— Зачем? — спросил он, держа руки в карманах.

— Вынь руки из карманов! — потребовал коп.

— Зачем? — спросил Хейдьюк. Рука Холла задрожала на спусковом крючке пистолета — это был молодой, невротичный, неуверенный в себе полицейский. Второй мужчина ждал в патрульной машине, наблюдая, зажав ружье дулом вверх между коленями. Хейдьюк неохотно вытащил руки из карманов. Холл схватил его за горло, протащил через улицу, прижал к патрульной машине, обыскал, учуял запах пива. Следующие двенадцать часов Хейдьюк провел на деревянной скамье в городском вытрезвителе, единственный белый среди хора стонущих пьяных индейцев. Их тошнило. Все это как-то раздражало.

Конечно, я не могу его убить, думал Хейдьюк. Все, что мне надо — поколотить его слегка, дать немного работы его дантисту. Ну, может, вывихнуть ребро. Испортить ему вечер — ничего опасного или непоправимого. Но вот вопрос — узнает ли он меня? Сможет ли он вспомнить наше предыдущее, в общем-то краткое, знакомство? Или останется лежать на тротуаре, размышляя, какого черта все это значит.

Он был уверен, что Холл не сумеет вспомнить и опознать его. Как сможет коп, подбиравший каждую ночь дюжины пьяниц, бродяг и празднующихся, вспомнить приземистого, крепкого, неприметного и невыразительного Джорджа Хейдьюка, который, к тому же, сильно изменился с тех пор — возмужал, потяжелел и зарос?

Патрульная машина городской полиции Флегстафа с притушенными фарами медленно подъехала к дому Холла и остановилась у подъезда. Хорошо. В ней только один человек. Очень хорошо. Мужчина вышел из машины. Он был в штатском. Хейдьюк следил за ним сквозь сумрак, сидя в машине за полквартила от него, сомневаясь. Мужчина подошел к двери дома и вошел в него, не задерживаясь, чтобы постучать. Должно быть, Холл. Или, возможно, один дежурный полицейский. Еще несколько окон осветилось в доме.

Хейдьюк сунул револьвер за пояс, вылез из джипа, надел плащ, чтобы скрыть оружие, и пошел мимо дома Холла. Шторы задернуты, ставни опущены; ему ничего не удалось увидеть внутри. Двигатель патрульной машины бал включен. Хейдьюк дернул дверцу машины — она была не заперта. Он повернул за угол дома, пройдя под деревьями и фонарями, и направился по гравию дорожки, что шла позади домов. Среди мусорных куч, столбов для бельевых веревок, детских качелей лаяли собаки. Сосчитав двери, он увидел через кухонное окно человека, которого искал. Все еще молодой, видный мужчина, совершенный ирландец. В одной руке он держал чашечку кофе, другой похлопывал по заду свою жену. Она выглядела довольной; она выглядела сбитой с толку. Типичная семейная сцена. Железное сердце Хейдьюка слегка оттаяло по краям.

Времени было мало. Он нашел неогороженное пространство между домами и заторопился обратно на улицу. Патрульная машина была на месте, двигатель все еще работал. В любой момент Холл мог отставить свою чашку с кофе и выйти, чертов ублюдок. Хейдьюк скользнул за руль машины и, не включая фар, поехал тихонько к ближайшему перекрестку. Одинокий зеленый глаз Моторолы мерцал в темноте из-под приборной панели; из динамика доносился постоянный поток спокойных мужских голосов, обсуждающих кровь, разрушения, катастрофы. Лобовое столкновение на Горной улице. Тем лучше для Хейдьюка — стандартное обсуждение очередной трагедии даст ему, пожалуй, еще минуту — другую, прежде чем Холл поднимет тревогу. Повернув за угол и направляясь в сторону Главной улицы и железной дороги на Санта Фе, он собрался, готовясь к атаке. У Холла дома наверняка есть полицейская рация. Тем временем Хейдьюк обдумывал свои планы. Чего не следует делать. Он решил, во-первых, не делать попытки вломиться на патрульной машине в вестибюль мэрии. Во-вторых...

Он разминулся с полицейской машиной, шедшей навстречу. Офицер за рулем помахал ему рукой; Хейдьюк помахал в ответ. Немногие пешеходы провожали его взглядом. Он взглянул в зеркало заднего обзора. Вторая полицейская машина остановилась на перекрестке,

пережидая красный свет.

Пауза в радиопередатчике. Затем голос Холла: — Всем подразделениям, 10-99. Всем подразделениям, 10-99. Машина двенадцать, 10-35, 10-35. Повторяю, всем подразделениям, 10-99. Машина двенадцать, 10-35. Подтвердите получение, пожалуйста. КВ-34 дистанционный.

Здорово держит себя в руках, подумал Хейдьюк. Как мог он забыть этот голос? Эту холодную ирландскую хорошо контролируемую истерию. Господи, как же он меня ненавидит сейчас! Ненавидит кого-то, вообще говоря.

Радио замерло на секунду — сразу несколько голосов попытались ответить одновременно. Все умолкли. Пробился один голос, громкий и ясный.

— КВ-5, КВ-6.

— КВ-5.

— Мы видели машину двенадцать минуту назад. Шла на юг по Второй улице между Федеральной и Горной.

— Десять-четыре, КВ-6. Все мобильные подразделения, кроме машины четыре, немедленно направляйтесь в центр города; 10-99; 10-99, машина двенадцать. КВ-34, КВ-5.

Хейдьюк ухмыльнулся. Теперь они все вызывают Холла. Он добился своего.

— КВ-34, КВ-5. Ответьте, пожалуйста.

— КВ-34.

— Десять-девять?

— Десять-два?

— Десять-девять?

— Что?

— Где ты, Холл, черт тебя дери?

— КВ-34 дистанционный.

— А кто же за рулем двенадцатой?

— Не знаю.

Хейдьюк взял микрофон, нажал кнопку передатчика и сказал:

— Я, чертовы дармоеды. Развлекаюсь немножко в вашем дерьмовом городке на два очка, ясно? KB-34, конец связи.

— Десять-четыре, — сказал диспетчер. Пауза. И потом: —Пожалуйста, кто говорит?

Хейдьюк подумал минутку. — Рудольф, — сказал он. — Вот кто.

Снова пауза.

— KB-5, это KB-6.

— Валяй.

— Мы видим объект. По-прежнему направляется на юг.

— Десять-четыре. Готовьтесь к перехвату.

— Десять-четыре.

— Десять-четыре, дерьмо, — сказал Хейдьюк в микрофон. — Вы еще поймайте меня сначала, сосунки тупоголовые, мать вашу... — На мгновение он пожалел, что не может как-нибудь услышать свою передачу. Конечно, все это записывалось на пленку в полицейском участке. Он вдруг вспомнил, что есть такая штука, которая называется «отпечатки голоса» — звуковой аналог отпечатков пальцев. Возможно, он еще услышит свою радиопередачу — попозже, в конце концов. В судебной палате Аризоны. Вместе с важными, серьезными присяжными. Черт бы побрал их взгляды.

Голос по рации:

— Предупреждаем, что Федеральная Комиссия по вопросам связи ведет мониторинг всех радиопередач, и что злоупотребление полицейской радиосвязью или брань является государственным правонарушением.

— К черту Федеральную Комиссию по вопросам связи. К черту всех копов Флегстафа. Плевал я на вас с высокой каланчи.

Ухмыляясь в темноте, бесшумно пролетая по почти пустым в этот час улицам, он ожидал ответа. Ответа не последовало. Тогда он сообразил, что все еще сжимает в руке микрофон, нажав на кнопку трансмиттера, и что при этом он перекрывает весь канал. Он бросил микрофон и сосредоточился на дороге. Радиосвязь возобновилась — устойчивый поток спокойных, уверенных, жестких мужских голосов. Вот что я тебе скажу, подумал он, поедем-ка мы к железной дороге. Она всего в квартале отсюда. Сирены позади, крушение впереди.

На железнодорожном пересечении замигали красные огоньки. Предостерегающе прозвучал сигнал колокола. Приближается поезд. Впереди уже повисли деревянные рейки шлагбаума. Он проскочил под первой и вжал до отказа тормоза, намертво остановив машину как раз

посредине колеи. Он поглядел в обе стороны и увидел сквозь ревущую темноту сверкающий свет приближающегося локомотива, почувствовал гром стальных колес, услышал пронзительный гудок дизеля. В ту же секунду он услышал завывание полицейских сирен, менее чем в двух кварталах за собой увидел летящие на него синие проблесковые огни.

Хейдьюк выскочил из машины Холла в самом центре железнодорожного пересечения. При этом, однако, он успел прихватить с собой ружье, шлем и фонарь с шестью батарейками. Поспешно ретируясь с места своего преступления, с полными руками и сердцем, отчаянно бьющимся от радости, он услышал — сквозь визг тормозов, рев сирен — один цельный, мощный металлический удар, продолжительный, глубоко удовлетворяющий.

Он глянул через плечо. Ведущий локомотив с тремя дополнительными блоками питания, скрежеща тормозами, подгоняемый инерцией 125 товарных вагонов, катился по рельсам, толкая своим железным носом труп патрульной машины, дробя железо о сталь, взметая снопы искр. Машина перевернулась, бак с горючим проломился, взорвавшись шафрановым и синим пламенем, — скользящий костер, осветивший по пути ряд товарных вагонов на запасном пути, задний фасад отеля «Монтесума» (комнаты на 2 доллара дороже), несколько телеграфных столбов, рекламный щит («Добро пожаловать во Флегстаф — сердце прекрасного Севера!») и покинутую, всеми забытую, антикварную водонапорную башню Атчисона, Топека и Санта Фе, Депо Флегстафа.

Сжимая свои трофеи, Хейдьюк пробежал по чернильно-темным аллеям, обходя железо, закон, полицейские машины, пронзительно визжащие по городу, как сумасшедшие шершни. Оказавшись в безопасности своего джипа, он благополучно покинул город и поехал в бархатную темноту, никем не пойманный, нетронутый.

Он спокойно спал в эту ночь под сенью сосновой рощи у кратера Заката, в двадцати милях к северо-востоку, в своем затасканном, широком спальном мешке на гусином пуху, легком, как перышко, теплом, как материнское лоно. Под бриллиантовым сиянием Ориона, приглушенным мерцанием Семи Сестер, едва заметными следами падающих звезд, светящимися блеклым пламенем. Какая безмятежность во всем. Удовлетворение от хорошо выполненной работы. Он стал мечтать о доме, где бы он ни был. О шелковистых бедрах, куда бы они ни завели. О дереве, зеленее, чем мысль, в каньоне, красном, как железо.

Поднявшись до восхода, в серебристо-голубых сумерках, он приготовил себе кофе на своей крошечной плитке Примус. «Химикаты! Химикаты! Мне нужны химикаты!» проскандировал он утреннюю мантру Хейдьюка. Сквозь одинокие сосны он увидел, как диск плазменного водорода, слишком яркий для человеческого взгляда, внезапно поднялся над морщинистыми кряжами Красочной пустыни. Прохладная мелодия флейты приплыла ниоткуда — запел пестрый американский дрозд.

В дорогу, Джордж. На север. Он наполнил бак на своей любимой автозаправке у торгового центра Святой горы, подписал петиции («Спасем Черную гору!» «Прекратить разработки карьеров!») и купил новые наклейки на бампер, наклеив их поверх облюбленных прежним владельцем, гласивших: «Доброго вам дня! Чмок!»

Он катился вниз, со Святой горы в розовый рассвет, в бассейн Малой Колорадо, в пастельно-розовые, шоколадно-коричневые, темно-желтые тона Красочной пустыни. Земля окаменелых лесов. Земля индейцев, страдающих глаукомой. Земля тканей ручной работы, выкрашенных растительными красками, серебряных поясов и перегруженной системы социального обеспечения. Земля исчезнувших динозавров. Земля современных динозавров. Земля опор ЛЭП, шагающих сомкнутым жестким строем через равнинные пески пустыни, как 120-футовые космические чудовища.

Хейдьюк нахмурился, открывая первый пакет с шестью банками пива (полтора — до Лиз Ферри). Он не помнит, чтобы этих опор было так много. Они широко шагают на горизонте во всем своем великолепии, схваченные воедино петлями блестящих высоковольтных проводов, заряженных энергией плотины Глен Каньона, Навахо ГЭС, электростанций Фор Корнерз и Шипрок, направляемой на юг, в бурно развивающиеся Калифорнию и Юго-Запад. Прославленные, богатые города, питающиеся за счет беззащитных внутренних районов.

Вышвырнув пустую банку за окно, Хейдьюк мчался дальше на север, через страну индейцев. Знакомая земля, перечеркнутая новыми линиями электропередач, небо, задыхающееся от дыма электростанций, горы, ободранные карьерами, обширные пастбища, обгрызенные до смерти, развеваемые ветрами. Трущобные селения с домишками из шлакоблоков и хижинами из оберточной бумаги выстраиваются вдоль магистрали — племя размножается, плодовитое, как микробы: в 1890 году их было 9500, нынче — 125 000. Изобилие! Процветание! Сладостное вино и самоубийство, о вас наши песни.

Главная-то беда с этими индейцами, размышлял Хейдьюк, заключается в том, что они ничуть не лучше всех нас. Главная беда — что они так же глупы, жадны, трусливы и скучны, как и мы, белые.

За этими размышлениями он открыл вторую банку пива. В поле зрения появился торговый центр Серой горы; усталые индейцы отдыхали у солнечной стороны стены. Женщина в традиционной вельветовой блузе присела на корточки рядом с мужчинами, задрала свою длинную, широкую юбку, чтобы пописать в пыль. Женщина ухмыляется, мужчины хохочут.

Приблизилось Устье Большого Каньона.

Поток транспорта мешал его нетерпеливому продвижению вперед. Прямо перед ним крошечная леди с голубыми волосами пялится через баранку на дорогу, — голова ее почти на уровне приборной панели. Она-то что тут делает? Рядом с нею — маленький старичок. Номерные знаки штата Индиана на их стареньком автомобиле. Мама с папой выехали на экскурсию по стране. Едут благоразумно и безопасно, со скоростью 45 миль в час. Хейдьюк ворчит. Давай, леди, двигай, или убирайся к черту с дороги. Господи, диву даешься, как они умудрились вообще вытолкать эту штуку из гаража и повернуть носом на запад.

Через две мили — Торговый центр Устье. Остановившись там за пивом, он подслушал, как менеджер секретничал с клерком, показывая ему индейское одеяло ручной работы:

— Дал за него сорок долларов. Эта скво собиралась в Синг, и ей срочно нужны были деньги; мы его продадим за двести пятьдесят.

Дорога впереди все еще ныряла, опускаясь в долину Малой Колорадо и Красочную пустыню. С семи тысяч футов на перевале до трех тысяч — у реки. Он взглянул на альтиметр, установленный на щитке. Инструмент говорил то же самое. Здесь поворот на Южный Кряж, Большой Каньон. Даже сейчас, в Мае, машин с туристами казалось очень много: непрерывный поток стали, стекла, пластмассы и алюминия, вытекающий из устья. Большинство из них сворачивало на юг, к Флегстафу, но некоторые ехали в обратную сторону, на север — к Юте и Колорадо.

Моя дорога, думал он, они едут моей дорогой; они не смеют этого делать. Будет им дорога. Уже скоро. Всем им. Они едут на своих паршивых жестянках в святую землю. Они не смеют этого делать; это не законно. Есть закон против этого. Высший закон.

Так ведь и ты едешь туда же, напомнил он себе. Да, но я-то еду по важному делу. И потом, я — элита. И вообще, если дорога построена, почему не воспользоваться ею. Я тоже плачу налоги; дураком бы я был, если б пошел пешком по обочине, а все эти туристы пускали бы мне в лицо вонючие выбросы своих машин, разве нет? Разве нет? Конечно! Но если б я хотел идти пешком — и я пойду в свое время — что ж, я бы прошел всю дорогу от Гудзонова залива и обратно. И пройду еще.

Хейдьюк мчался вперед на максимально допустимой скорости, вырвавшись вперед, забирая постоянно на северо-северо-запад мимо Ущелья, мимо Кедрового Кряжа (снова набирая высоту) по направлению к Скалам Эхо, Алтарю Шинумо, Мраморному Каньону, Алым Скалам и реке. Колорадо. Этой реке. И вот, в конце последнего длинного подъема, перед ним открылась — наконец — страна, к которой он стремился, земля его души, простирающаяся перед ним в точности такой, какой она снилась ему три долгих года войны в джунглях.

Он поехал дальше почти осторожно (для него) по длинному петляющему спуску — двадцать миль дороги, четыре тысячи футов высоты — к реке. Нужно прожить еще как минимум час. Внизу раскрылся Мраморный Каньон — черная расселина, как черная трещина, разверзшаяся во время землетрясения в серо-коричневой земле пустыни. Северо-восточнее, в направлении темной расщелины в песчаниковом монолите, где Колорадо выкатывала свои воды на поверхность из недр плато, маячили Скалы Эхо. Севернее и западнее этой расщелины поднималось Плато Парья, мало известное, где никто не живет, и хребет Алых Скал длиной тридцать миль.

Радостный Хейдьюк, все время прихлебывая пиво, прикончил очередные шесть банок, купленных во Флегстафе и ехал на здоровой и безопасной скорости 70 миль в час. Колеса — к реке, какая-то бессвязная песня несется навстречу ветру. Он представлял серьезную опасность для остальных водителей, однако оправдывал себя следующим образом: если не пьешь — не садись за руль. Если пьешь — гони, как угорелый. Почему? Потому что высшее благо — свобода, а не безопасность. Потому что государственные дороги должны быть открыты для всех — детишек на трехколесных велосипедах, крошечных леди на Плимутах времен Эйзенхауэра, лесбиянок, самоубийственно ведущих сорокатонные тракторные трейлеры. Давайте обойдемся без фаворитов, без водительских прав, без всех этих чертовых правил дорожного движения. Чтоб все открытые автострады были открыты для всех.

Довольный, как свинья в навозе, — это Хейдьюк, возвращающийся домой. Шпилька — узкий поворот дороги почти на 180° — при подъезде к мосту. Знак: ОСТОРОЖНО: СКОРОСТЬ 15 МИЛЬ В ЧАС. Шины визжат, как мартовские коты, — он берет первый поворот с заносом на обе ведущие оси. Еще один. Пронзительный скрежет шин, запах раскаленных тормозных барабанов. Появляется мост. Он изо всех сил жмет на тормоза, выжимает сцепление, исполняя на тормозах танец с носка на пятку, сцепление — педаль газа.

Следующий знак: ОСТАНОВКА НА МОСТУ ЗАПРЕЩЕНА. Он останавливается на самой середине моста. Глушит мотор. Прислушивается на мгновение к тишине, к вздохам реки, катящей свои воды в четырехстах футах под ним.

Хейдьюк выбирается из джипа, идет к перилам моста, вглядывается вниз. Колорадо, третья по длине река Америки, бормочет что-то своим песчаным берегам, закручивает водовороты вокруг обвалившихся камней, течет, устремляясь к морю под белыми известняковыми стенами Мраморного Каньона. Выше по течению, за изгибом реки, лежит Лиз Ферри, ставший покинутым и ненужным из-за моста, на котором стоит Хейдьюк. Ниже по течению, в пятидесяти милях по воде, река втекает в Большой Каньон. Слева от него, на север и запад, Алые Скалы сияют нежно розово, как арбуз, в свете заходящего солнца — мыс за мысом вертикальных утесов песчаника; профиль каждой скалы выглядит мистически — загадочно, торжественно, нечеловечески величественно.

Давит мочевого пузыря. Автострада тиха и пустынна. Быть может, конец света уже наступил. Пора отлить, облегчить почки, выпустить этот напиток. Хейдьюк расстегивает ширинку и посылает струю отфильтрованного пива «Шлитц» в четыре сотни футов длиной до самого русла реки глубоко внизу. Никакого святотатства — только безмолвное ликование. Летучие мыши мелькают в темной глубине каньона. Над рекою парит большая голубая цапля. Теперь ты среди друзей, Джордж.

Забыв застегнуть ширинку и оставив джип на пустынной дороге, он шагает до конца моста и взбирается в гору, на край каньона, — возвышенное место, откуда открывается вид на пустыню. Он опускается на колени, поднял щепотку красного песка и съел его. (Полезно для птичьего зоба. Много железа. Полезно для желудка). Поднявшись с колен, он обозрел реку, парящие скалы, небо, огненную массу солнца, опускающегося на фоне туч, как корабль на мелководье. Его обмякший член, сморщенный, позабытый, свисает из раскрытой ширинки, и слегка сочится. Он широко и твердо ставит ноги на камень, поднимает руки к небу, раскинув их ладонями вверх. Огромная, торжественная радость течет в его крови, костях, нервах и мышцах, в каждой клеточке его тела. Он поднимает голову, делает глубокий вдох...

Цапля в каньоне, большерогий баран наверху, на скале над ним, один тощий койот на противоположном краю обрыва, слышат могучий рев, волчью песнь, вздымающуюся в тишине сумерек и простирающуюся в пустоте вечерней пустыни. Один долгий, протяжный, глубокий и опасный, дикий древний вой, вздымающийся все выше, выше, выше в тихом воздухе.